

Влияние организационно-технических проблем устройства быта охотничье-промыслового населения Читинской области на заготовки пушно-мехового сырья: 1930-е – начало 1990-х гг.

Денис Н. Беспалько^a, @, ID

^a Забайкальский государственный университет, Россия, г. Чита

@ bespalkodenis84@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>

Поступила в редакцию 05.05.2020. Принята к печати 17.06.2020.

Аннотация: Рассмотрены проблемы влияния устройства и организации бытовой сферы жизнедеятельности охотничье-промыслового населения Читинской области на пушно-сырьевые заготовки в советский период. Основной акцент исследования направлен на изучение быта непосредственно в период действия промыслового и отчасти предпромыслового сезона: организация снабжения, развитие охотничье-таежной инфраструктуры, содержание таборного имущества, использование специализированного снаряжения и продуктов питания. На основе анализа впервые введенных в научный оборот архивных источников, отчетов охотоведческих экспедиций и воспоминаний охотников выделены два этапа организационно-технического обустройства промысловой жизни в условиях горно-таежной местности. На первом этапе, 1930-е – начало 1950-х гг., региональная специфика отличалась, прежде всего, обобществлением лесных массивов и сменой групповой формы эксплуатации промысловых угодий на индивидуальную, что неминуемо привело к усложнению решения организационно-технических вопросов. Система снабжения работала с перебоями, за обустройство угодий практически никто не отвечал. Соответственно, количественные показатели заготовок находились на низком уровне. На втором этапе, 1950-е – начало 1990-х гг., грамотно реализованное охотустройство в корне изменило существующие порядки. Была проведена юридическая приписка угодий к коллективным хозяйствам, созданы охотничьи бригады, налажена стабильная работа по линии *заготовительная контора – колхоз – охотник*, что позволило качественно улучшить бытовые условия промысловой жизни и увеличить объемы заготовок.

Ключевые слова: промысловое хозяйство, организация труда, таежная инфраструктура, охотугодья, заготовительная контора, охотничье зимовье, таборное имущество

Для цитирования: Беспалько Д. Н. Влияние организационно-технических проблем устройства быта охотничье-промыслового населения Читинской области на заготовки пушно-мехового сырья: 1930-е – начало 1990-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 565–574. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-565-574>

Введение

История развития бытовой сферы жизни охотничье-промыслового населения Читинской области и ее влияние на пушно-сырьевые заготовки в период действия заготовительного сезона (октябрь–март) с 1930-х по начало 1990-х гг. до сих пор не являлась предметом специального научного изучения. Краткие замечания специалистов охотничьего дела касались в основном общих организационно-технических моментов, без выделения особенностей региональной специфики: С. А. Бутурлин [1], Ю. А. Герасимов [2], Л. Н. Нагрецкий и др. [3], С. А. Ларин [4], А. А. Вершинин и Е. И. Реброва [5], В. П. Бутромеев и В. В. Бутромеев [6] и др.

В изданиях, посвященных непосредственно истории области, имеются лишь фрагментарные воспоминания охотников и сотрудников областного охотуправления, изложенные в художественно-публицистической литературе. Среди них можно выделить рассказы Ю. А. Герасимова¹, В. А. Туголукова², Е. Б. Самойлова³, Г. Г. Балябина⁴ и др.⁵ В тексты рассказов, посвященных повадкам и поведению промысловых видов, вкраплено повествование о быте охотников, описание тонкостей изготовления различных снастей и приспособлений. Но при этом целостная картина поэтапного развития бытовой сферы промысловой жизни в обозначенный период времени отсутствует.

¹ Герасимов Ю. А. Тропой таежного охотника. Чита: Экспресс-издательство, 2007. 232 с.

² Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 220 с.

³ Самойлов Е. Б. Рассказы забайкальского охотника. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 260 с.

⁴ Балябин Г. Г. Об охоте, друзьях и службе в Забайкалье. Чита: ЗабГУ, 2016. 142 с.

⁵ Охота в Забайкалье. Сборник рассказов / ред. и сост. Ю. С. Шумилов. Иркутск: Типография на Чехова, 2019. 224 с.

Основополагающим источником изучения темы статьи являются фонды Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК). Многочисленные и до сих пор малоиспользуемые материалы охотоведческих экспедиций, опросные данные охотников-старожилов Южно-Забайкальского и Витимо-Олекминского соболиных очагов стали той научной основой, на которой производилось поэтапное изучение организации обустройства промысловых угодий жилыми и хозяйственными строениями, снабжения охотников до и во время промысла, состояния материально-технической базы – транспорта, одежды, обуви и т. д.

Методологической базой послужили универсальные принципы проведения исторического исследования – принципы объективности и историзма. Исходя из этих принципов в статье определен и использован ряд методов научного познания: историко-генетический, проблемно-хронологический и историко-сравнительный. Составным элементом также послужил анализ охотоведческих карт 1940–1980-х гг.: расположения охотугодий и отмеченных объектов промысловой инфраструктуры по отношению к населенным пунктам. В совокупности обозначенные методы позволили выявить достоверный исторический материал и сформировать проблематику исследования.

Первый этап, 1930-е – начало 1950-х гг.

В дореволюционное время устройством быта охотников на промысле организовано занимались все члены первичных объединений зверопромышленников, получивших наименование артелей и бригад [7, с. 255–269]. Как правило, охотники редко зависели от сельскохозяйственного или иного положения дел поселка, в котором проживали, поэтому с наступлением поры предпромысловой разведки или промыслового сезона свободно приступали к проведению необходимых работ. Решение, когда и где устраивать постоянный лагерь, в каком радиусе от основного зимовья строить временные станы, объем завозимых продуктов питания и охотбоеприпасов полностью находились в компетенции промысловых объединений. До охотников в тайге никому не было дела, поскольку вся добытая пушнина, за исключением части, причитающейся нанимателю, принадлежала самому добытчику и его семье⁶. Соответственно, заботиться о проблемах бытового характера охотники должны были сами. От качества и своевременности осуществления решения организационно-технических проблем быта в тайге зависело успешное завершение промыслового сезона.

Данная система благополучно функционировала до начала XX в. Затем наступил период организационно-технического кризиса всей отрасли промыслового хозяйства

на территории Забайкальского региона (будущей Читинской области), т. к. истощился основной промысловый ресурс – соболю. Вид потерял свое промысловое значение, уступив место иным видам пушнины, добыча которых предполагала индивидуальную, а не групповую эксплуатацию угодий [8]. Объединения в 2–3 человека, способных выполнять в тайге весь комплекс работ и поддерживать на должном уровне досугово-бытовую сферу, встречались все реже и реже. Постепенно охотники-одиночки, которых к 1917 г. становится более 60 %, начинают утрачивать чувство ответственности за обустройство охотугодий и не заботятся о длительном пребывании в тайге, преимущественно занимаясь добычей пушно-мехового сырья вблизи населенных пунктов⁷. Забвению предаются многие обычаи и традиции промысловой жизни, связанные с групповыми формами охоты в отдаленных угодьях, куда охотники заходили минимум на полгода.

В начале 1920-х гг. на территории области (входившей до 1922 г. в состав Дальневосточной республики) появляются районные заготовительные конторы (РЗК) Центросоюза, заключающие с промысловиками договоры на заготовку и сдачу пушнины [9]. Конторы ограничивались выдачей аванса и развитием системы разъездных агентов, прообраза будущих разъездных ларьков, собирающих или скупающих у населения пушно-меховое сырье в пределах небольшого радиуса объезда территории сельских поселений⁸. Забота о промысловиках в тайге не входила в число их обязанностей. Период НЭПа не привел к каким-либо существенным переменам. В документах той поры отразилась лишь попытка заботы о постоянных кадрах пушников посредством своеговременного снабжения и доснабжения заготовительной кооперации товарами ради усиления промыслов⁹.

В 1930-е гг. произошли серьезные изменения, определившие облик всего комплекса охотничье-промыслового хозяйства вплоть до начала 1950-х гг. В ходе коллективизации лесные территории подверглись окончательному обобществлению, и промысловые угодья, таким образом, обезличились¹⁰. Юридического прикрепления угодий к колхозам, как того требовала обстановка, не провели. Обширные горно-таежные массивы, являющиеся государственной собственностью [10, с. 20–30], с точки зрения крестьян-колхозников, стали «ничейными». А значит, заниматься их таборным обустройством и прочими бытовыми проблемами должны были охотоведческие и заготовительные структуры. В силу сохранившейся практики личного распоряжения охотника доходами от добытой пушнины колхозы практически ничего не получали от отходнической деятельности своих членов. Мизерные 4–8 %, отчисляемые РЗК за сданную охотниками пушнину, и уплата охотниками

⁶ Черкасов А. А. Из записок сибирского охотника. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. 576 с.

⁷ ГАЗК. Ф. Р-441. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–19.

⁸ ГАЗК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 115. Л. 5–7.

⁹ ГАЗК. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 1. Л. 146–148, 167–169, 260–261.

¹⁰ ГАЗК. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 93. Л. 140–143.

стоимости берущегося в наем транспорта, используемого на промысле, не спасали ситуацию¹¹. Соответственно, у правлений колхозов отсутствовала материальная или иная заинтересованность в успешном завершении промыслового сезона. Колхозы не только не несли ответственности за состояние угодий, но тем более не заботились о судьбе выделенных на промысел людей. Партийная или культурно-просветительская работа, организованные соцсоревнования проводились редко. В результате организация быта стала подчиняться неким стихийным обстоятельствам, способствовавшим лишь ухудшению обстановки на промысле, и скатилась на очень низкий организационно-технический уровень [11]. Эксплуатация угодий сузилась до незначительного радиуса обхода территории от сохранившихся зимовий или населенных пунктов. От такого положения дел страдал не только колхозный контингент охотников, материально зависимый от промыслов, но и спускаемые коллективным хозяйствам областные планы пушнозаготовок¹².

Планирование в области осуществлялось в первую очередь исходя из численности имеющегося промыслового контингента (около 3–7 тыс. охотников, в том числе и незарегистрированных), усредненных норм добычи с порайонной разверсткой (в среднем порядка 700–1000 руб. на человека)¹³ и, в последнюю очередь, неточных данных слабо развернутой предпромысловой разведки. Из имеющихся в нашем распоряжении сведений можно заключить, что с 1930 г. по 1951 г. большая часть плановых заданий выполнялась на 57–75 %¹⁴, т. е. общая сумма редко превышала 1,5–3 млн руб. По этому поводу в 1946 г. начальник Управления по делам охотничьего хозяйства при облисполкоме В. П. Евладов отмечал, что возможный выход пушно-мехового сырья на 5–6 млн руб. в год¹⁵ не достигался по ряду причин, важнейшей из которых являлась слабая обустроенность бытовой сферы на промысле.

Устройство быта на промысле зависело, прежде всего, от количества затрачиваемого на охоту времени. Промысловый сезон на пушных зверей в области обычно длился с 10 (25) октября до 1 марта¹⁶, т. е. продолжительность составляла от 125 до 140 дней. Для пополнения запасов продуктов и по другим нуждам охотник должен был выходить из тайги домой, на что в течение сезона затрачивалось 15–20 дней. Выходные дни обычно не использовались. Учитывая выходы и нерабочие дни по другим

причинам (отдых, починка снаряжения, обуви и одежды, нездоровье) общее количество промысловых дней, по мнению всех без исключения руководителей охотоведческих экспедиций¹⁷, сокращалось до 100. Но при этом весь промысловый сезон использовало не более 30 % охотников, остальные 70 % выходили с промысла с наступлением больших холодов и уменьшением количества основного промыслового вида – белки, т. е. в начале декабря. Данное процентное соотношение одинаково распространялось как на северные районы (где зимой температура падала до –50–55 °С), так и на юг области, с относительно более мягкими природно-климатическими условиями. В таких условиях могли заготавливать пушно-меховое сырье исключительно крепкие и подготовленные люди, приучившие себя питаться только рыбой и мясом и, самое главное, научиться добывать зверя, птицу и рыбу в любое время и в самых разнообразных условиях. Новички же в промысловом деле, оставленные на произвол судьбы, могли сделать очень немногое. Отсутствие на эксплуатируемой территории места для теплого ночлега, необходимого запаса продовольствия и медикаментов не оставляли возможности для занятия промыслом большинству охотников именно в тот период времени, когда пушнина созревала и приобретала наилучшие качества мехового покрова [12, с. 95].

Чтобы завезти продукты в тайгу требовалась лошадь на юге или олень на севере. Плата за их эксплуатацию до начала 1950-х гг. устанавливалась согласно социальной категории нанимателя. Единоличники платили за коня 10 руб. в день¹⁸, за верхового оленя – 2 руб. и 1 руб. за вьючного¹⁹. С колхозников же дополнительно полагалось взимать до 15 % от суммы добытой пушнины. Чтобы завести и вывести ездовое животное обратно в среднем требовалось 3 дня. Использовался труд члена семьи либо наемного выгонщика с посуточной оплатой труда. Чем дальше располагалось угодье, тем больше требовалось затрат на транспортные услуги. Использование только одних ручных саней было совершенно невыгодно, т. к. сильно ограничивало охотника в количестве взятого груза [13, с. 91–92]. Понятно, почему охотники старались занять близлежащие участки.

Работники РЗК почти не бывали на промысле и не знали, какие трудности встречал охотник, в чем он нуждался²⁰. Действующая система разъездных ларьков, будучи

¹¹ ГАЗК. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 29. Л. 97.

¹² ГАЗК. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 140. Л. 306–307.

¹³ Приведенные данные норм добычи являются сильно усредненными, т. к. охотугодья лесной зоны Читинской области разделялись на 3 части (юго-западную, северную и восточную), резко отличающиеся друг от друга в видовом разнообразии промысловых животных и равномерности их распределения.

¹⁴ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.

¹⁵ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–4.

¹⁶ ГАЗК. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 2. Л. 53–55.

¹⁷ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 2; ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36; ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 46; ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48; ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 53 и др.

¹⁸ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48. Л. 193.

¹⁹ ГАЗК. Ф. Р-772. Оп. 1. Д. 28. Л. 130.

²⁰ ГАЗК. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 121. Л. 176–179.

не в состоянии обеспечить своевременное обслуживание всего промыслового контингента в тайге²¹, топталась на месте, и ее недостатки были очевидны всем сторонам заготовительного процесса. Охотники ходатайствовали в районные исполнительные комитеты, а порой и требовали, чтобы на основании заключенных договоров содействия по линии РЗК – колхоз – охотник в период промыслового сезона им выделялось необходимое количество гужевого транспорта и погонщиков, которые бы вовремя доставляли в условленные места продукты питания, боеприпасы и принимали по описи пушнину²². Ларьки экономили рабочее время и, следовательно, увеличивали количество добытого пушно-мехового сырья [14]. Но в 1930-х – начале 1950-х гг. усовершенствовать данную систему в силу объективных причин не удалось. Основные собственники конного и оленьего поголовья – колхозы, занимаясь зимними грузоперевозками, выделяли транспорт на промысловые нужды по остаточному принципу. РЗК, скупая выделить дополнительные средства на организацию таежной доставки, от проблемы отмахивались. Благодаря такому положению дел развивались две порочных тенденции: 1) часть охотников в приграничных районах сдавала пушнину в заготпункты Бурятии и Амурской области²³; 2) процветало браконьерство, охотники ради пропитания добывали запрещенных по области лосей и изюбрей²⁴.

В 1930-х – начале 1950-х гг. областные охотугодья были обеспечены охотизбушками и рублеными юртами лишь на 10 %, оборудованные станы отсутствовали. Старые постройки ветшали, гибли при возникновении пожаров, а новые строили в незначительном количестве. Построить зимовье – дело несложное. Охотоведы выяснили опытным путем, что три охотника, работая по 8 часов в сутки, срубаят его за 4 дня, юрту вдвоем – за 1 день²⁵. Тем не менее имелись препятствующие обстоятельства. Сам охотник-колхозник не знал, позволят ли ему сельскохозяйственные дела выйти на промысел в следующем году. Получив отпуск на 10–20 дней он не мог всерьез думать о лесной постройке, кроме того, до конца 1920-х гг. лес для зимовья рубили без разрешения, а после коллективизации его требовалось покупать. РЗК ежегодно получали средства на строительство охотизбушек улучшенного типа: оборудованные печками-каменками с жестяными трубами, чтобы не было дыма и копоти, двери без щелей, окна. Однако деньги часто использовались не по целевому назначению. Отделения «Востсибпушины», например, заключали договоры с колхозами на постройку

избушек, отпуская авансы для этой работы, но не контролировали процесс, совершенно упуская из внимания важные детали. В результате чего некоторые колхозы возводили таборы в местах сенокосов, удобных для использования бригадами косарей, а не на промысловых угодьях [15]. Также колхозы строили новые избушки, не придерживаясь стандартного плана, в силу чего они походили на старые, без особых удобств²⁶.

Что собой представлял наиболее распространенный тип зимовья? Грубо срубленная конструкция 2х2 или 2х3 м, высотой, как привило, ниже человеческого роста, без окон, небольшие и низкие двери, земляной пол, нары и огромная печка, сложенная из камней. Топка производилась по-черному, т. е. дым выходил не в трубу, а в помещение, в результате на стенах образовывалась копоть толщиной в палец. На севере области охотники еще в 1920-е гг. придумали очень простой вариант сборки печки из обыкновенной железной бочки. Верхняя часть бочки отрезалась на одну треть и устанавливалась на земляную квадратную насыпь с каркасом из дерева высотой 30 см. В верхней ее части, где пробка, прорезалось отверстие для трубы, а сбоку – дверка для топки²⁷. На юге данное нововведение появилось не ранее 1940-х гг. Двери в зимовьях делали из сырой древесины, после высыхания появлялись щели. Юрта вообще не предполагала комфорта: печка отсутствовала, костер разжигали прямо на земляном полу. В помещении присутствовала значительная задымленность, т. к. потолочное отверстие слабо выводило наружу газообразные продукты горения²⁸. Вот и вся внутренняя обстановка охотизбушек. Единственным исключением из данного правила был Красночуйский район, где охотники сумели организованно договориться с РЗК на постройку охотизбушек улучшенного типа – с деревянным полом, окнами и железной печкой²⁹. Они вмещали в себя от 2 до 5 человек. Установив в таком строении керосиновую лампу, можно было безопасно заниматься изготовлением охотбоеприпасов, в то время как при лучине или около костра неоднократно происходили случаи возгорания пороха.

Промысловики, предпочитающие кочевой образ охоты, использовали брезентовые и парусиновые палатки. Строили временные жилища на пустошеселье – незаселенном берегу реки – балаганы, из жердей и содранной с лиственницы или березы коры. Обогревались по-разному. Если имелась возможность приобрести листовое железо, то изготавливали небольшие и легкие печки-буржуйки. При отсутствии возможности развести костер из двух бревен срубали

²¹ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36. Л. 113.

²² ГАЗК. Ф. Р-772. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12 об.

²³ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36. Л. 114

²⁴ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 34. Л. 91.

²⁵ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48. Л. 180.

²⁶ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

²⁷ Самойлов Е. Б. Рассказы забайкальского охотника ... С. 205.

²⁸ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48. Л. 178–179.

²⁹ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.

примитивное сооружение – нодью, что горела не пламенем, а ровным жаром³⁰.

За день охотник обычно проходил по 15–17 км. Толщина снежного покрова в таежной местности почти всегда значительная, поэтому для удобства передвижения использовались самодельные лыжи, изготавливаемые прямо на месте. Опытный охотник мастерил пару лыж с палками за неделю. Их подбивали камасом – шкурой лося или косули, снятой с ног зверя³¹. Молодые и неопытные охотники при отсутствии данного приспособления значительно сужали поле работы, т. к. были вынуждены после обильных снегопадов ходить только по набитым тропам. На одном участке, где имелась белка, охотники держались 1–3 дня, после переходили на новое место. В месяц случалось 10–15 кочевков. Поэтому переносное имущество в виде печки и палатки при кочевой охоте оказывалось очень удобным. Для переноса груза на юге использовали вещмешки, а на севере понягу – легкую доску с запасными ремнями, что закрепляли заплечный мешок и сопутствующее снаряжение³².

В качестве верхней одежды областные охотники чаще всего использовали ватную телогрейку или легкую укороченную оленью дошку. Суконный наплечник – лузан, овчинные нарукавники – налокотники, широко распространенные еще в XIX в., сохранились лишь в семьях потомственных промысловиков³³. Рукавицы делались с разрезом по ладони для удобного и скорого вытаскивания кистей рук в случае необходимости проведения работ на морозе – увязка вьюков, нарт и т. д. Накочетники, надеваемые на рукава и таким образом предотвращающие попадание снега в рукавицы, постепенно выходили из обихода³⁴.

Наиболее распространенным вариантом брюк были сшитые из грубого домотканого сукна, в чем, несомненно, имелись свои преимущества перед фабричными изделиями – они быстрее сохли и оказывались менее подвержены возгоранию от костра или печки. Иногда сверху сукно обшивали палаточным материалом для облегчения стряхивания снега и меньшего обледенения³⁵. Самыми прочными считались брюки, сшитые из кожи самки изюбря или кабарги, их можно было использовать в очень сложных условиях горно-таежной местности не менее 5–8 лет. На их изготовление требовалась 1 изюбриная или 5 кабаргиновых шкур. Охотники-любители и новички начинали с ватных брюк, но ввиду их неудобства и непрактичности (тяжелы, быстро мокли, рвались и легко прогорали) отказывались от них в первые 2–3 месяца³⁶.

Летом и осенью многие охотники носили т. н. чирки – кусок кожи или резины, стянутый узким ремешком над ступней. Несмотря на необычайную простоту изготовления, такая обувь была очень удобна – бесшовная и водонепроницаемая. Лучшей обувью в зимний период времени считались ичиги – мягкие кожаные сапоги, очень удобные, легкие и ненатирающие ноги. Их носило большинство охотников южных и центральных районов. Из недостатков, ввиду отсутствия рифленой подошвы, можно выделить разве что малую устойчивость на льду или по насту. Чтобы устранить эту помеху охотники надевали самодельные пластинки с шипами, т. н. бизлуки. Данное техническое приспособление унаследовало свой практический функционал с уледи, обуви XVIII в., у которой носки были с крючками [6, с. 261]. В 1950-е гг. в южных районах области распространился вариант шитья ичигов с подошвенным швом не внутрь, а наружу, что объясняется достижением большей эффективности ношения и удобства для голеностопного сустава. Вместо шерстяных носков охотники предпочитали чулки до колена, связанные из конского волоса³⁷. Они очень прочны и благодаря гигроскопичным свойствам не давали сыреть ноге, но в теплозащитных качествах такие чулки уступали обычным, шерстяным. В сильные холода на ичиги сверху надевали меховой чулок из собачьей шкуры шерстью наружу. На севере ичиги использовались только летом. Зимой обувью служили камасные или половинчатые унты, сделанные из лосиной шкуры, выделанной в виде замши. Было распространено ношение укороченных унтов (камгуры), на которые брюки одевали сверху, завязывая тесемкой у щиколотки, чтобы не попадал снег³⁸. Гораздо реже носили валенки.

Частые перебои в снабжении продуктами питания в 1930-х – начале 1950-х гг. приводили к тому, что охотники поздно выходили на промысел. Перебои случались, как показывают исследования В. И. Мерцалова [16], не потому, что не хватало производимых в Читинской области продуктов питания, а потому, что руководители РЗК вовремя не заботились об их своевременной доставке в нужные фактории. Южные и центральные районы области страдали от данной халатности в гораздо меньшей степени, нежели северные. Существующая сеть дорог позволяла практически в любое время года снабжать население всем необходимым. Северный товарозавоз мог быть осуществлен исключительно в летний период времени сплавом по воде, а зимой с перевалочных баз следовал гужевой развоз по населенным пунктам и факториям [17, с. 317].

³⁰ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 2. Л. 28–34.

³¹ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36. Л. 118.

³² Там же. Л. 118.

³³ Охота в Забайкалье...

³⁴ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36. Л. 119.

³⁵ Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях... С. 37.

³⁶ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48. Л. 180.

³⁷ Там же. Л. 181.

³⁸ Герасимов Ю. А. Тропой таежного охотника... С. 211.

В случае даже кратковременной задержки следовал товарный «голод», преодолеть который представлялось возможным лишь при наступлении последующего сплавного сезона³⁹.

Главная продуктовая проблема заключалась в отсутствии консервов, что заставляло охотников жить по старинке, т. е. изготавливать долгохранящиеся домашние заготовки. Так, например, придумали удобный способ хранения и транспортировки картофеля в холодное время года. Его варили, толкли, а потом делали комья весом 0,3–0,5 кг (дневная норма потребления) и замораживали. Продукт не терял вкусовых качеств и всегда был готов к употреблению⁴⁰. Мясные продукты домашнего приготовления, в сушеном или вяленом виде, в рационе охотников присутствовали крайне редко. Говядину или свинину главным образом брали в замороженном виде.

На основании расходных ведомостей РЗК и опросных сведений охотоведов составлен список покупных продуктов питания, используемых охотниками на промысле (табл. 1)⁴¹.

Табл. 1. Покупные продукты питания, используемые охотниками на промысле, на одного человека в норме 20-дневного потребления, 1930–1950-е гг.

Tab. 1. Purchased food products used by hunters, per person for 20 days, 1930s–1950s

| Наименование | Количество, кг |
|-----------------------------|---|
| Консервы | – |
| Мясо | 8 |
| Сало | 2 |
| Хлеб (мука) | 25 |
| Сахар | 0,5 |
| Соль, макароны, крупа, сода | По индивидуальному запросу каждого вида продукта (не более 8–10 кг) |
| Итого | 43,5 (45,5) |

Если в среднем взять 100 дней, затрачиваемых охотниками на активный промысловый сезон, и 40 нерабочих, то общее количество продуктов питания, с домашними заготовками, выходило весьма значительным и составляло не менее 320 кг на человека.

Таборное имущество отличалось изрядной скромностью и предполагало наличие только тех вещей, в которых охотник нуждался в первую очередь: столовые приборы, спальные принадлежности, предметы личной гигиены и медицинские препараты [18, с. 105; 19, с. 229]. Согласно опросной статистике, более всего охотники нуждались в котелках и кружках⁴². Когда эти товары появлялись в заготпунктах, начинался ажиотаж, так много желающих было их приобрести.

Одеяла в лес не брали, заменяя самодельными спальниками из овчины или, что еще лучше, оленьих шкур. Среди охотников Забайкалья бытовало правило ходить в тайгу только с топором, брать же с собой пила считалось делом зазорным. Однако женский контингент охотников совершенно не брезговал разного рода ножовками, успешно применяя их для заготовки дров⁴³. Используя же только топор, охотник вынужденно тратил каждый вечер не менее 1–2 часов на рубку. Преодолеть столь непроизводительную трату времени в охотничье-промысловом хозяйстве области смогли только после колхозного охотустройства, когда охотников временно освобождали от сельскохозяйственных дел и специально выделяли время на предпромысловую организационные работы.

Вышеобозначенные организационно-технические проблемы бытового характера в период 1930-х – начала 1950-х гг. оказывали непосредственное влияние на пушно-сырьевые заготовки, поскольку недостаточная обустроенность быта приводила к сужению эксплуатации промысловой территории и уменьшению времени, затрачиваемого на промысел, и, как следствие, невыполнению плановых показателей. Заботясь о благоустройстве, охотники порой долго не снимали шкурки с добытых зверьков, что вело к образованию кровоподтеков на мехе и снижало качество пушнины и ее выходную стоимость. Случался весьма значительный процент брака пушно-мехового сырья, вовремя не обезжиренного или добытого с использованием самодельных патронов. I сорт редко превышал 50 % от общего объема областных заготовок, II сорт – порядка 30–35 % и бракованные шкурки составляли 15–20 %.

Второй этап, 1950-е – начало 1990-х гг.

В 1950-е гг. снабжение охотников и бытовые условия на промысле существенно изменились. Проведенное охотустройство и приписка угодий к колхозам позволили, в соответствии с общим решением колхозных собраний и райисполкомов, установить жизненно важные новшества [20]. Среди введенных по области изменений необходимо выделить наиболее значимые. Во-первых, договоры с РЗК заключали колхозы, а не отдельные охотники, и вся пушнина сдавалась только через них. Во-вторых, 75 % от стоимости всей заготовленной пушнины переходило в собственность колхозу. В-третьих, 25 % от стоимости сданной пушнины охотники получали деньгами без начисления на эту часть сырья трудодней. За оставшуюся пушнину, сдаваемую в РЗК через колхозы, охотнику начислялись трудодни по установленным нормам добычи. Данные изменения в корне поменяли прежний безответственный подход правлений колхозов к промысловикам, отходничество

³⁹ ГАЗК. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 121. Л. 158–162.

⁴⁰ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 46. Л. 12.

⁴¹ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48. Л. 192–193.

⁴² ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36. Л. 127.

⁴³ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48. Л. 180.

упразднялось, и появилась прямая заинтересованность в заботе. В-четвертых, в массовом порядке возрождались охотничье-промысловые объединения⁴⁴.

Сроки промыслового сезона остались прежними, но что существенно важно, более чем на 60 % сократилось общее количество теряемых прежде дней. Снизился процент охотников, досрочно выходящих с промысла. Если на первом этапе таковых было порядка 70 %, то в 1960-е гг. – не более 45 %, а к 1980-м гг. – 10–15 %⁴⁵. 100 % результата добиться не удалось, поскольку колхозные и личные дела так или иначе довели над каждым промысловиком.

Началось повсеместное строительство охотничье-промысловой инфраструктуры. На середину 1950-х гг. было запланировано и реализовано обустройство одного капитального стана на границе 2-х промысловых участков⁴⁶. Постройка на каждом не имела практического смысла, поскольку, находясь в постоянном движении, бригады бывали в станах 1–2 раза за весь промысловый сезон с целью получения привезенных ларьками продуктов, сдачи пушнины и отдыха. Остальное время проводилось во временно оборудованных таборах. Охотизбушки строили главным образом по запросу охотников. Пользовались ими, как показали опросные данные, в основном охотники-одиночки из близлежащих колхозов⁴⁷. Бригады, наоборот, предпочитали использовать утепленные палатки, поскольку эксплуатируемые территории угодий были обширными и не позволяли на каждом дневном переходе возводить постоянное жилье⁴⁸.

За каждой бригадой или охотником-стахановцем закреплялось определенное колхозное имущество с неременной обязанностью несения за него материальной ответственности. В случае порчи / утраты выделенных вещей или транспорта следовало возмещать собственнику нанесенные убытки. На одну бригаду, состоящую из 3–4 человек (более многочисленные объединения формировались редко и распадалась на самостоятельные промысловые группы после закрытия 1–2 сезонов), выделялась палатка, печь из листового железа и в среднем по 2 оленя (коня) на человека – вьючного и верхового⁴⁹. Благодаря этому все охотники получили возможность брать запас продовольствия более чем на 2–3 месяца. После истечения указанного срока следовал обязательный выход из таежных угодий – чаще всего на приграничные станы. Общая потеря

дней за все выходы составляла 10–12. Отдельные бригады профессионалов оставались в тайге до весны [21, с. 23].

Проведенное охотустройство позволило качественно улучшить подготовительные основы промыслового труда⁵⁰. Ввиду большего распространения кочевого способа охоты имелась постоянная нужда в специальной рабочей единице – кочевщике. Частные начала уступили место государственным, и на постоянной основе за кочевщиками закрепился целый комплекс выполняемых ими в тайге работ: установка палатки, заготовка дров, приготовление пищи, а также надзор за пасущимися лошадьми и оленями⁵¹. Таким образом, охотники освобождались от необходимости поочередного караула вьючно-ездовых животных.

Связь охотников с внешним миром осуществлялась через отлаженную систему разъездных ларьков гужевой формы. С 1960-х гг. РЗК начинают постепенно выделять для доставки продовольствия и приема пушнины грузовые машины⁵². Культурно-бытовым нововведением стало обеспечение охотников районной и областной прессой [22]. Выделялись «красные палатки», которые проводили на станах беседы, зачитывали и обсуждали доклады партконференций, читали художественную и научно-политическую литературу. Беседы проводились на русском, эвенкийском и бурятском языках⁵³. Главным недостатком полевой культурно-просветительской работы являлась слабая постановка вопроса по ликвидации неграмотности среди охотников.

Существенным, так и непреодоленным недостатком, осталась нехватка обустроенных бань [23] и в ряде случаев на севере – оторванность от остального мира⁵⁴.

Промысловая экипировка постепенно развивалась в сторону все большего использования изделий фабричного производства. Значительная часть элементов традиционной одежды, использующейся на промысле вплоть до середины XX в., исчезла ввиду большей практичности и меньшей стоимости фабричных изделий. Естественно, что данный процесс шел неравномерно. Южные и западные районы, ближе находящиеся к административному центру и лучше снабжаемые, к 1970-м гг. получили возможность обеспечить своих охотников новыми комплектами промысловой одежды. В то время как на севере области прежние формы традиционной экипировки, изготавливаемые самодельно, успешно дожили до начала 1990-х гг. и, как правило, часто сочетались с фабричными элементами.

⁴⁴ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 54. Л. 35–49.

⁴⁵ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 597. Л. 3.

⁴⁶ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 55. Л. 74–75.

⁴⁷ Там же. Л. 80.

⁴⁸ ГАЗК. Ф. Р-772. Оп. 1. Д. 43. Л. 41.

⁴⁹ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 55. Л. 72–73.

⁵⁰ ГАЗК. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 582. Л. 24–26.

⁵¹ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 55. Л. 72.

⁵² ГАЗК. Ф. Р-2289. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

⁵³ ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 197. Л. 21–23.

⁵⁴ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.

Табл. 2. Покупные продукты питания, используемые охотниками на промысле, на одного человека в норме 20-дневного потребления, 1960-е – начало 1990-х гг.

Tab. 2. Purchased food products used by hunters, per person for 20 days, 1960s – early 1990s

| Наименование | Количество, кг |
|-----------------------------|---|
| Консервы | 8 |
| Мясо | 3–5 |
| Сало | 2 |
| Хлеб (мука) | 17 |
| Сахар | 2 |
| Соль, макароны, крупа, сода | По индивидуальному запросу каждого вида продукта (10–12 кг) |
| Итого | 42 (46) |

В 1960-х – начале 1990-х гг. основной рацион питания немного изменился (табл. 2)⁵⁵. В нем стали преобладать мясорыбные консервы, макаронные изделия и крупы. Появилась практика удовлетворения, в меру возможного, запросов промысловых бригад относительно свежих продуктов питания [24, с. 245]. На станы завозили свиное мясо, для чего приурочивали убой к заходу на промысел или к другой определенной дате. Норма потребления в весовом отношении осталась практически прежней.

Проведенные преобразования, как мы видим, существенно улучшили бытовые условия на промысле, что в свою очередь привело в 1952–1991 гг. к постепенному росту промыслового контингента до 5–7 тыс. человек с нормой отстрела порядка 1,75–2,5 тыс. руб. и повышению процента выполнения плановых показателей. Заготовки выросли с 3,3 млн руб. до суммы, превышающей 10–12 млн руб. В среднем планы выполнялись на 80–115 %⁵⁶. В качественном отношении заготовка пушно-мехового сырья периодически страдала, но при этом общие показатели существенно улучшились: I сорт – до 60–73 %, II сорт – 20–31 %, брак – 7–9 %⁵⁷.

Литература

1. Бутурлин С. А. Настольная книга охотника. Вологда: Всеохотсоюз, 1930. 352 с.
2. Герасимов Ю. А. Справочник егеря. М.: Агропромиздат, 1988. 271 с.
3. Нагрецкий Л. Н., Стахровский Е. В., Замахаев В. А., Воробьева М. П., Митрофанова Л. А., Пичугин Ю. В., Москов В. А. Организация и техника охоты. М.: Лесная пром-сть, 1977. 240 с.
4. Ларин С. А. Техника добывания зверей и птиц. М.: Лесная пром-сть, 1970. 209 с.
5. Вершинин А. А., Реброва Е. И. Организация охотничьего промысла. М.: Изд-во Центросоюза, 1957. 223 с.
6. Бутромеев В. П., Бутромеев В. В. Настольная книга охотника. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 448 с.
7. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.-Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 847 с.
8. Беспалько Д. Н. История развития соболиного промысла на территории Восточного Забайкалья (середина XVII века – 1960-е годы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 4. С. 53–65. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.4

⁵⁵ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 506. Л. 71–72.

⁵⁶ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 713. Л. 11, 15–16, 32.

⁵⁷ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 715. Л. 17–19.

Заключение

Благодаря необустроенной или малообустроенной бытовой сфере на промысле в 1930-х – начале 1950-х гг., за организацию которой никто не нес полноценной ответственности, страдали областные пушнозаготовительные планы, редко когда выполняющиеся более чем на 75 %. Качество добываемого пушно-мехового сырья оставляло желать лучшего, поскольку I сорт в среднем составлял 50 % от выходной пушнины, а брак достигал 20 %. В силу прямой зависимости цены от качества сдаваемой пушнины в РЗК подобные показатели существенно снижали уровень материального благополучия охотничье-промыслового населения области. Отсутствие нормальных условий жизни и недостаточная организация снабжения охотников необходимыми товарами в конечном итоге привели к тому, что молодые кадры промысловиков формировались в незначительном количестве. Пожилые охотники сетовали: «Молодежь, привыкшая к клубу и читальне в деревне, не хочет идти в тайгу».

В 1950-е гг. был проведен комплекс преобразований в области колхозного охотустройства. В результате сформировалась и до начала 1990-х гг. успешно функционировала устойчивая система возрождения полноценных охотничьих бригад и юридической приписки угодий к коллективным хозяйствам. Организационно-технические проблемы становления охотустройства угодий перешли в совместную компетенцию РЗК, колхозов и бригад, что позволило в промысловой отрасли народного хозяйства добиться существенных улучшений: 1) колхозы и РЗК совместно контролировали вопросы снабжения необходимыми охотникам товарами, строительства и обслуживания таежной инфраструктуры; 2) из 140 дней промысла охотники теряли не более 10–12 дней, а не 25–40, как раньше; 3) воссозданные промысловые объединения смогли существенно увеличить территорию эксплуатируемых угодий; 4) возросли общие объемы заготовок пушно-мехового сырья.

9. Беспалько Д. Н. Особенности развития пушно-сырьевого сектора экономики на территории Забайкалья в период существования Дальневосточной Республики 1920–1922 гг. // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 4. С. 640–664. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).640-664
10. Данилов Д. Н., Русанов Я. С., Рыковский А. С., Солдаткин Е. И., Юргенсон П. Б. Основы охотустройства. М.: Лесная пром-сть, 1966. 332 с.
11. Пальгунов М. М. Техника организации охотничьих хозяйств. Архангельск: Огиз РСФСР. Сев. краев. отд-ие, 1931. 80 с.
12. Дементьев В. И. Основы охотоведения. М.: Лесная пром-сть, 1971. 231 с.
13. Новиков Г. А. Промыслово-охотничья фауна Северо-Западного Забайкалья // Тр. СОПР. Сер. Вост.-Сиб. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Вып. 4. 135 с.
14. Герасимов Ю. А., Шиляева Л. М., Морозов М. Ф., Кукарцев В. А., Войлочников А. Т. Охота на пушных. М.: Лесная пром-сть, 1976. 221 с.
15. Климов Г. Ф. Леса и лесное хозяйство Забайкальского края. Чита: Экспресс-издательство, 2017. 553 с.
16. Мерцалов В. И. Забайкалье в контексте российской истории (середина XVII – начало XXI в.). Чита: ЗабГУ, 2019. 158 с.
17. Гордеев Н. В., Батура А. И., Кириллов И. И. Очерки истории Забайкальского края. Чита: Экспресс-издательство, 2019. 440 с.
18. Стахровский Е. В., Дерягин В. Н., Дежкин В. В. Организация охотничьего хозяйства. М.: Агропромиздат, 1985. 159 с.
19. Карелов А. М., Драган А. В. Учебная книга промыслового охотника. Кн. 1. Биология промысловых животных и основы охотоведения. М.: Агропромиздат, 1989. 328 с.
20. Скалон В. Н. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. 84 с.
21. Рационализация техники охотничьего промысла / ред. Д. Н. Данилов. М.: Заготиздат, 1952. Вып. 1. 56 с.
22. Смирнов А. И. Систематически вести политическую работу среди охотников и оленеводов // Советский север. 1951. № 22. С. 3.
23. Астов К. С. Решительно покончить с недооценкой охотпромысла // Советский север. 1951. № 50. С. 2.
24. Колосов А. М., Лавров Н. П. Обогащение промысловой фауны СССР. М.: Лесная пром-сть, 1968. 256 с.

original article

The Life of Hunters in the Chita Region: Effect of Organizational and Technical Problems on Fur Trade (1930s – early 1990s)

Denis N. Bepalko ^{a, @, ID}

^a Transbaikal State University, Russia, Chita

@ bespalkodenis84@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>

Received 05.05.2020. Accepted 17.06.2020.

Abstract: The research featured the effect of household problems of hunters in the Chita region on the fur trade in Soviet Russia. It focused on their everyday life during the hunting season: supply chain, hunting and taiga infrastructure, shared camp property, specialized equipment and food, etc. The study was based on archival sources, reports of hunting expeditions, and memories of hunters. The author defined two stages of organizational and technical arrangement of hunting life in the conditions of the mountain taiga. The first stage lasted from 1930s to early 1950s. The woodlands were socialized, and individual form of exploitation of fishing grounds replaced the group one, which inevitably complicated the organizational and technical issues. The supply system worked intermittently, and no one was in charge of the land development. As a result, the quantitative indicators were low. During the second stage (1950s – early 1990s), the local hunting management improved radically. The hunting areas were officially distributed among collective farms and hunting teams. The newly established chain “procurement – farm – hunter” improved both the living conditions of the hunting population and increased the amount of furs and skins.

Keywords: hunting industry, labor organization, taiga infrastructure, hunting grounds, procurement, hunting winter hut, camp property

For citation: Bepalko D. N. The Life of Hunters in the Chita Region: Effect of Organizational and Technical Problems on Fur Trade (1930s – early 1990s). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 565–574. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-565-574>

References

1. Buturlin S. A. *Hunter's manual*. Vologda: Vsekokhotosoiuz, 1930, 352. (In Russ.)
2. Gerasimov Ia. A. *Huntsman's manual*. Moscow: Agropromizdat, 1988, 271. (In Russ.)
3. Nagretsky L. N., Stakhrovskii E. V., Zamakhaev V. A., Vorobieva M. P., Mitrofanova L. A., Pichugin Iu. V., Moskov V. A. *Organization and technique of hunting*. Moscow: Lesnaia prom-st, 1977, 240. (In Russ.)
4. Larin S. A. *Technique for the production of animals and birds*. Moscow: Lesnaia prom-st, 1970, 209. (In Russ.)
5. Vershinin A. A., Rebrova E. I. *Organization of hunting*. Moscow: Izd-vo Tsentrosoiuz, 1957, 223. (In Russ.)
6. Butromeev V. P., Butromeev V. V. *Hunter's manual*. Moscow: OLMA Media Grupp, 2015, 448. (In Russ.)
7. Krashenninnikov S. P. *Description of Kamchatka*. Moscow-Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi, 1949, 847. (In Russ.)
8. Bespalko D. N. History of development of sable trade in the territory of Eastern Transbaikal territory (XVII century – 1960ies). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2019, (4): 53–65. (In Russ.) DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.4
9. Bespalko D. N. Features of development of the raw material sector of the economy in the Zabaikalsk territory during the period of existence of the Far Eastern Republic (1920–1922). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2019, 20(4): 640–664. (In Russ.) DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).640-664
10. Danilov D. N., Rusanov Ia. S., Rykovskii A. S., Soldatkin E. I., Iurgenson P. B. *Fundamentals of hunting*. Moscow: Lesnaia prom-st, 1966, 332. (In Russ.)
11. Palgunov M. M. *Technique of organization of hunting farms*. Arkhangelsk: Ogiz RSFSR, Sev. kraev. otd-ie, 1931, 80. (In Russ.)
12. Dementiev V. I. *Fundamentals of hunting*. Moscow: Lesnaia prom-st, 1971, 231. (In Russ.)
13. Novikov G. A. *Fishing and hunting fauna of the Northwest Transbaikalia*. Tr. SOPR. Ser. Vost.-Sib. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937, iss. 4, 135. (In Russ.)
14. Gerasimov Ia. A., Shiliaeva L. M., Morozov M. F., Kukartsev V. A., Voilochnikov A. T. *Hunting for fur*. Moscow: Lesnaia prom-st, 1976, 221. (In Russ.)
15. Klimov G. F. *Forests and forestry of the Transbaikal Territory*. Chita: Ekspres-izdatelstvo, 2017, 553. (In Russ.)
16. Mertsalov V. I. *Transbaikalia in the context of Russian history (mid XVII – early XXI centuries)*. Chita: ZabGU, 2019, 158. (In Russ.)
17. Gordeev N. V., Batura A. I., Kirillov I. I. *Essays on the history of the Transbaikal Territory*. Chita: Ekspres-izdatelstvo, 2019, 440. (In Russ.)
18. Stakhrovskii E. V., Deriagin V. N., Dezhkin V. V. *Organization of hunting*. Moscow: Agropromizdat, 1985, 159. (In Russ.)
19. Karel'ov A. M., Dragan A. V. *Training book of a commercial hunter. Book 1. Biology of game animals and the basics of hunting*. Moscow: Agropromizdat, 1989, 328. (In Russ.)
20. Skalon V. N. *Organization of the hunting economy of Siberia*. Irkutsk: Kn. izd-vo, 1957, 84. (In Russ.)
21. *The rationalization of hunting techniques*, ed. Danilov D. N. Moscow: Zagotizdat, 1952, iss. 1, 56. (In Russ.)
22. Smirnov A. I. Systematically conducted political work among hunters and reindeer herders. *Sovetskii sever*, 1951, (22): 3. (In Russ.)
23. Astov K. S. Stop underestimating hunting! *Sovetskii sever*, 1951, (50): 2. (In Russ.)
24. Kolosov A. M., Lavrov N. P. *Enrichment of the fishing fauna of the USSR*. Moscow: Lesnaia prom-st, 1968, 256. (In Russ.)